

РАЗГОВОР
С ИНТЕРЕСНЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ

ЛЕОНИД
БРОНЕВОЙ:

ОТ ПОНИМАНИЯ СЛОЖНОГО — К ЯСНОСТИ И ПРОСТОТЕ

НА ДНЯХ в Новокузнецке прошли гастроли заслуженного артиста РСФСР Леонида Броневого. Леонид Броневоу запомнился зрителям по многосерийному художественному фильму «Семнадцать мгновений весны», где он очень удачно выступил в роли шефа гестапо Генриха Мюллера. На гастролях в Новокузнецке артист участвовал в спектакле по пьесе Виктора Розова «Ситуация» — играл роль старого мастера Игната Васильевича Кашина. Кроме того, Леонид Броневоу побывал на Запсибе и выступил перед строителями второго конверторного цеха. В дни гастролей наш корреспондент встретился и побеседовал с Леонидом Броневоым.

— Леонид Сергеевич, те новокузнецкие, которые смотрят «Ситуацию» в дни ваших гастролей, знакомятся с вашим творчеством в театре. Работа в театре является вашим основным, главным делом. Но миллионы телезрителей узнали вас благодаря фильму «Семнадцать мгновений весны». Поэтому и разговор мне хотелось бы начать именно о телевизионном дебюте, дебюте удачном и интересном. Итак, когда и с чего началась работа над ролью Мюллера?

— Путь к этой роли был долгим. В 1941 году я впервые ощутил и понял, что такое фашизм, какое это гнусное, отвратительное явление. Бомбежки Киева, эвакуация, «похоронки», которые почти ежедневно разносил почтальон, — все это не забывается никогда. Из этого уже тогда и позже формировалось мое отношение и представление о таких, как Мюллер... Убежден, что путь к любому образу — это весь предыдущий жизненный опыт актера. Когда приступаешь к работе над новой ролью, вносишь в нее не только свой опыт, а еще и определенную гражданскую зрелость, отношение к миру. Конкретную же работу над ролью Мюллера я начал, когда прочел сценарий Юлиана Семенова.

— Вам Мюллер — личность весьма и весьма незаурядная. Он умен, коварен, жесток, хитер. То мы видим эдакого добрячка Мюллера, который не против пошутить, поболтать с подчиненными. То мы видим Мюллера — игрока, расчетливого и внимательного, способного на любое, самое мерзкое преступление, а вот он уже циничный философ, за концепциями которого кроется не только апологет нацизма, но и человек, ранее других из своего окружения почувствовавший крах гитлеровской кампании. Мы знаем, во всякий образ вложен труд, как минимум, трех авторов. Бывает, что образ интересен уже по сценарию, бывает, его делает таким талантливая режиссура, и, наконец, «изюминка» мо-

жет появиться тогда, когда уже, как говорится, застрекотала кинокамера — за счет исполнителя. Как же было в вашем случае?

— Думаю, что львиная доля успеха остается за интересным и глубоко написанным сценарием. Когда я его прочел, я увидел Мюллера, почувствовал. Осязаемы и другие герои. Дело в том, что «Семнадцать мгновений весны» — не просто детектив, рассказывающий о приключениях советского разведчика в дни войны. Фильм шире рамок обычного детективного жанра. Разумеется, можно ставить под сомнение документальность многих диалогов, событий, можно элементарно доказать, что Штирлиц — образ всего лишь собираемый. Но важно другое. Перед нами встают живые плоть от плоти герои с настоящими страстями. Есть реальное столкновение реальных характеров и, что самое главное, бескомпромиссное столкновение идеологий. Мюллер — опасный враг, победить которого трудно.

Особо хочу сказать о режиссере Татьяне Лиозновой.

Это обаятельнейший человек, работа с которым доставляла истинное удовольствие. Лиознова — режиссер жесткого, «диктаторского» стиля. Ее установки тверды, разрушить их может лишь серьезное логическое противоречие актера. Меня такой стиль устраивал всегда. Очень важно — быть точным в искусстве. Когда режиссер не может четко выразить свое художественное кредо, актер всегда испытывает неудовлетворение.

— С кем из партнеров вам больше всего понравилось сниматься?

— Называть кого-то конкретно я не буду. Сами знаете, какие великолепные исполнители были заняты в картине. Работать с каждым из актеров большое удовольствие.

— Леонид Сергеевич, а не слишком ли выпирает, что ли, в Мюллере его некоторые обаяние, гибкость ума, логика, ведь в конце концов это матерый фашист?

— Конечно, отношение к героям задается автором, исполнителем. Мы играем психологический детектив. Зритель видит и чувствует, что Мюллер, злобный шеф гестапо, палач и убийца, — фигура незаурядная. Этим мы подчеркиваем всю серьезность и трудность борьбы с такими, как Мюллер. Это, во-первых. Во-вторых, сюжетно выведено то, что Мюллер, почувствовав крах гитлеризма, хочет исчезнуть, затаиться, чтобы вернуться потом и привить свои страшные идеи тем, кто в сорок пятом еще спал в детской колыбели. Хотелось сказать, такие, как Мюллер, живы. Они умны,

обаятельны, хитры. Но помните и знайте, фашизм начинается не с перекошенной от злобы физиономии дегенерата, не с мышинного цвета шинели. Вот почему нашими общими усилиями Мюллер выведен таким.

— От актера часто можно услышать, что, играя положительную роль, он может взять у образа что-то хорошее, высокое для себя, или наоборот — «внести» в «характер» героя свои личные качества. А если вы играете отрицательного героя?

— В этом смысле работа над отрицательными персонажами — неблагоприятное занятие. Оно стоит актеру больших усилий, подчас нравственных мук. Но вносит ли актер в образ свои личные качества? Вряд ли. Также маловероятно, что он черпает что-то для себя. Есть лишь отношение актера к герою, чем ярче актер героя показывает, тем сильнее осуждает. Но, повторяю, жить на сцене, на экране плохой отрицательной жизнью — тяжело.

— Когда вы впервые увидели себя в роли — на телеэкране или раньше?

— Я смотрел фильм вместе со всеми по телевизору.

— Нашли ли вы какие-то недостатки, просчеты в своей работе?

— Да, нашел. Сейчас, если бы пришлось играть Мюллера заново, я бы не использовал в некоторых эпизодах смех, кое-какие жесты, детали показались мне чересчур яркими, бросающимися.

— Теперь, после телевизионного дебюта, у вас есть возможность сравнить специфику кино и театра.

— Неужели вы думаете, что я, отдав театру столько лет, предпочту кино и телевидение?

— Но если относиться к своей работе, к образам, которые создаешь, требовательно, то кино позволяет больше. Ведь снимают и выбирают именно тот дубль, когда вы в лучшей форме, так сказать, пиковую ситуацию. А театр... Один раз вы захандрили, устали, зритель уже разочарован...

— Вы правы. Пожалуй, этим наша работа трудна и драматична. Нужно каждый день собираться, снимать всякое равнодушие, апатию. Когда актер говорит, что каждый день он приходит в театр, как на праздник, по-моему он фальшивит. Мы должны каждый день приносить зрителям праздник, а чего это стоит, знаем лишь мы сами.

— Какие качества наиболее важны, по вашему мнению, в работе актера?

— Нельзя стать актером сразу после школы, нельзя стать актером, закончив театральный институт. Наша работа, кроме адского тру-

да, требует еще и жизненного опыта. Повторяю, личность артиста — это то, что он впитал в себя, принял от жизни, от других людей. Наконец, ум, гражданственность, знание людей. Понимание сложности своего времени дает нам ясность и простоту в работе. Именно это можно назвать талантом. Все остальное — простоватость, дилетантство, актерство в плохом смысле этого слова.

— Есть ли у вас идеал личности в искусстве?

— Есть. Народный артист СССР Борис Щукин.

— Теперь немного о «Ситуации». Скажите, в чем особенность таких гастролей, когда актеру одного театра приходится временно работать с другой, до этого неизвестной ему труппой? Ведь у вас в театре на Малой Бронной идет по существу другая «Ситуация», с другим Игнатом Кашинным.

— Да, получается действительно так, что в спектакле, который играют новокузнецкие, герой другого плана. Пришлось согласовывать многие мизансцены, жесты, реплики. Процесс вроде бы не сложный, но даже в лучшем варианте цельности, единства в первых спектаклях добиться трудно. Но в Новокузнецке прекрасный коллектив, и мы поняли друг друга великолепно.

— Как вы относитесь к своему герою?

— Если честно, то роль взяточника Кашина мне не совсем нравится. Розов, по-моему, развил этот характер не до конца. Поэтому полного удовлетворения от работы у меня нет.

— Чем вы занимаетесь сейчас в театре, в кино?

— Помещение нашего театра на Малой Бронной на ремонте. Снимаюсь в двух фильмах. В картине режиссера Элема Климова «Агония» я играю комедийную роль. Это фильм о последних днях царской империи. Скоро Сергей Юткевич заканчивает свой фильм «Маяковский смеется», где экранизирована знаменитая комедия «Клоп». Я играю роль Олега Баяна.

Наш разговор подходит к концу. Скоро на сцену бочком, неловкой походочкой выйдет старый мастер, хитрец Игнат Кашин. И раздадутся громкие аплодисменты.

Леонида Броневого узнают сразу.

Интервью вел Ю. СОЛОМОНОВ.

На снимке: сцена из спектакля «Ситуация». В роли Кашина заслуженный артист РСФСР Л. Броневоу.

Фото В. Шиньватова.

